

К.Д. БАЛЬМОНТ

**СВЕТОЗВУК В ПРИРОДЕ
И СВЕТОВАЯ СИМФОНИЯ СКРЯБИНА**
(Российское Музыкальное Издательство. М., 1917)

Мир исполнен соучастий. Природа – нерасторжимое всеединство. Звездные дороги Вселенной слагают одну поэму. Жизнь есть многосложное слитное видение. И так как жизнь есть сон, а во сне краски свободно переливаются в звуки, и мысль, едва подуманная, превращается в действие, понятие Светозвука есть не произвольное словосочетание, а точное утверждение, осуществляющейся в мирах, действительности. Будничное сознание человека самоограничивает себя, и, умом расчлняя Вселенную, видит отдельные части ее, отдельные ее состояния, в своем частичном бытии естественно принимая отдельность за самостоятельное целое, единичности за самодовлеющие сущности, не улавливая гармонической связи всего, не углубляясь и не возвышаясь до всеобъемной созерцательности. Человек, объятый сном, художник, ваятель, поэт, музыкант, объятый творчеством, истинный любовник, объятый влюбленностью, умственно разрушает частичные пределы, как весеннее Солнце разрушает сцепление холода и льда, и пенящаяся река, взломавшая лед, заливаает самые высокие берега, неся в сочетании света и звука откровение новой жизни.

Если я наклонюсь к раскрытой книге так близко, что мои глаза будут в уровень со страницей, я не увижу ничего, я буду на мгновение слеп, и лишь болезненно почувствую, как что-то шероховатое лишает меня божеского дара зрения, что-то отдельное, тупое и враждебное возникнет пред моим лицом неумолимою стеною тюрьмы. Я чуть-чуть отодвинусь, и глаз мой увидит отдельные буквы, как отдельные существа, лишённые между собой связи. Я увижу по очереди ничего не значащие начертания – *в, о, л, я*. Я отодвинусь еще чуть-чуть, немного приподнимая голову над немою преградой, и эти бессвязные существа, буквы, только мучившие мое зрение, обрадуют его, слившись в магически освободительное слово *воля*. Я отодвинусь еще дальше, я подниму свою голову со всем достоинством свободного существа, и уже не будет бессвязных букв, но в раскрытой книге я прочту лучезарную мысль: “Воля правит Вселенной. Мир есть музыка. Дух, вещество, душа, и мысль суть один нераздельный Светозвук”.

Свет и звук неразъединимы в Природе, но, не имея полноты ясновидения, мы только иногда это замечаем. Небесный огонь, молния, говорит внезапным желтокрасным цветовым изломом, но одновременно же

он говорит звуком грома, владеющим творческой мыслью всех первобытных народов, всех первородных умов, круговоротом легенд всего Земного Шара, и созидательной игрой высоких поэтов. Земной огонь, начинаясь искрой, зажигает, одновременно, сухую траву или дерево, и, опрокидываясь искрой в мысль, зажигает первовест творческой мечты, и этот малый огонек, качнув черные тени безмолвия, в секунде светового своего рождения возникает – и в рождении звуковом, шелестит, шипит, клокочет, свистит, напевает, поет, гудит, слагает цветовую звукопоэму Огня.

Первобытный Индус, который в утреннем своем тайноведении и прозрении в сущность явлений мира, слагал свои ведовские песнопения, называющиеся “Ведийскими Гимнами”, воспринимал лик Огня, и земного и небесного, как Светозвук, - Огонь для Индуса поет, он неразъединим с говорящим голосом. Белый рождаясь, красный возрастая, пламецветный бог среди темных, Агни мчится на красных конях. А кони не только сияют своим явлением, но и будят звук. Конь блещет своею гривой и хвостом и всем своим искрометным огнедышащим ликом, но в то же время он поет своим ржаньем, таким звонким, что этот звук гласит победу.

“Веды” поют, что один у бога Солнца красный конь, но два их, и больше красных коней, у Огня. На луке одна тетива, и стрела поет, досягая. Песня стрелы многозвучна. Так точно, в древности, возникла из лука у волшебников Египта арфа. И одна струна-тетива превратилась в две и четыре. И потом их стало и шесть и восемь. И даже до двадцати. Так точно, умножается число коней Агни в индусских песнях, число его путей, лучезарных дорог Светозвука, в мировых пространствах.

“Веды” поют. “В черных ночах – красный свершитель, Агни”. А творцы свершений всегда творят свою работу – песней и с песней. “Агни, услышь мой зов, мчат ли тебя два вороные коня, или гнедые, или два рыжих”. “Карие кони – твои, и те, красноватые, и красные эти – твои жеребцы”. “Путь Агни и черный, и белый, и красный, путь Агни – блестящий, румяный, и желтый”. Позднее, когда ум Индуса утончает свои построения в “Упанишадах”, он поет: “Вот имена семи языков огня, семь перепархивают: Черный, лютый, мыслебыстрый, алый, дымный, рассыпчато-пенный, всесияюще-яркий”. А свойство языка – говорить и петь. И все создания Индусской поэтической мысли пронизаны пением Огня, все паутинные построения Индийской умственности тонкими лунно-радужными тропинками ведут в светозвук.

Пропевший “Упанишады”, чтец голосов мира, индус говорит, что лик Истины сокрыт золотым диском. Но он же говорит, что этот лик

открывается верному, и что ведет к достижению, по красивой дороге, Огонь.

“Веды” поют: “Ты с блестящею речью поэт, о, Агни, - с языком лучезарным певец”. Казнохранитель богатой казны, лучисто-волосый, владыка двоякого мира, он, чей утонченный в воздухе путь наилучший, хранящий в себе полноту бытия, хранитель племен человеческих, хранимый в доме, как новорожденный ребенок, владыка всех почитаний, сын двух матерей, лучший вождь, любовник Зари, тысячеглазый Агни, смотрящий на человека, знающий все, веселый гость, испытанный друг, полновластный хозяин, Огонь распространяется в мире световую волной, и слово его идет к небу.

Есть еще, полное означительной глубинности, индусское сказание о связи растений с Огнем. Первотворец, Праджапати, древле был Вселенной. Но растения своевольны и полны хоти. Растения взобрались по нему. Они захотели стать выше, чем он, Первотворец. И они выросли на нем и над ним. Он не мог быть выше растений. Он зачах, покрытый их сетью. Тогда возник Огонь. И едва он возник, как сила растений перешла в него.

Не потому ли Огонь шуршит и шелестит как деревья, и, смотря в костер, видишь ветви, вершины леса, слышишь голос чащи, видишь цветенье цветов на ветвях, удлиненные стебли пламени, слышишь гуд тысячелетнего бора?

До наших дней донесшие, через века, свое Огнепоклонничество, разумеющие голос Огня, Парсы, также сочетают ощущение пламени с говорящим глаголом, - в священных книгах “Авесты” они, говоря об Огне, постороют в словесной живописи Светозвук. Они говорят: “Когда с приближеньем рассвета поет петух, этот барабан мира, демоны дрожат, испуганные. В час озаренья зари, птица знанья, Пародарс, та, что провидит, слышит голос Огня. Тогда зловражеский дух Бушиаста, длиннорукий, рушится из области Севера, кличет из области Севера, лжет, говоря: “Спите, о люди. Спите, грешите. В грехе живите. Греша, дремлите. Грешники, спите!” Но громко поет петух, веселится лучезарный Создатель, и Демон, обессиленный, рушится назад, в область Севера”. Если так говорят об Огне два благородные Азийские народа, Эллинская мудрость, преломленная призмой начального Христианства, говорит родственно, в лице Дионисия Ареопагита. В его книге “О небесной иерархии”, где речь идет о силах небесных, о чинах ангельских, о серафимах, херувимах, престолах, о господствах, властях, началах, первоангелах, ангелах, - а что есть ангел, как не воплощенный Светозвук? что есть ангел, как не поющий цветок, как не глаголящий свет, как не лучистый псалом, как не плавучее

сновидение, опровергающее нашу будничную мысль и говорящее о таинствах Мировой Музыки, о безграничности досягновений души и распростирааний Духа? – мы читаем: “Огонь существует во всем, проникает все, приемлется всем. Хотя он дает свой свет целиком, он в то же время хранит его скрытым. Его не знают, когда ему не дают вещества, дабы являть свою силу. Он не видим, но неукротим, и он имеет власть преобразжать в себе все, к чему он касается. Он все молодит своей жизненной силой. Он всегда в движении. Он движется сам и движет всем. Он имеет власть схватить, а его нельзя взять. Он незримо соприсутствует во всем. Им пренебрегут и подумают, что он не существует, но лишь подвергни трению некое вещество, и вдруг, как меч из ножен, он вырвется, сияет собственной своей природой, и улетает в воздух. В нем можно найти еще и другие качества. Вот почему богомудрые возвестили, что небесные сущности образованы из Огня, и этим самым, сколь возможно, созданы по образу Бога”. Он имеет еще и другие качества: Одно из них – звуковое свойство – способность петь. Он все молодит своей жизненной силой: А молодость всегда любит и поет. Он весь движение: А движение невозможно без звука. Из него созданы небесные сущности, первоангелы и ангелы: А святой Василий говорит, что дело ангелов псалмопевчество.

Если от гор и реных побережий Индии, от свежих плоскогорий Ирана, от горных областей псалмопевческих ангелов и первоангелов, облеченных в огненные одежды, мы обратимся к миру нашей собственной природы, раскинутой кругом, если мы прильнем к ней, приникновенно, мы везде ощутим в природе Музыку, певучее соответствие ее частей, напевный лад всех соотношений, одновременность тайнодействия света и звука, сопричинность и существование их, многосложную песню Огня, гармонизирующий Светозвук.

Вот “Рассвет”:

Едва озарены верхушки гор.
Еще не вышло гордое светило,
В котором всем земным восторг и сила
В Сейчас оно начнет дневной дозор.

Под белой дымкой зеркало озер,
Цветы – еще закрытые кадила,
Долины спят. Но тьма уж уступила,
И только знака ждет старинный бор.

Купавы словно дремлющие луны,
Все шире свет.
Все ярче горный храм.
Расплавленный рубин по ледникам.

Весь мир земной натянутые струны.
Скорей. Скорей. Мы снова будем юны.
И ток огней ударил по струнам.

Из этой природной картины, где Музыкальная Воля ежедневного миротворчества силою Светозвука обращает бездейственную дремоту в пряжу бодрствующего сознания – перенесемся мгновенно в концертную залу, где дух творит подобное не волею протянутых лучей, а колдующей волею рук.

Настраиванье скрипок. Ток ручьев,
Себя еще пытающих, неровных,
Но тронувших края надежд верховных,
И сразу доходящих до основ.

Дух пробужден. В нем свет, который нов
Пробег огней утонченно-духовных.
Мир возниканья снов беспрекословных,
По воле прикасания смычков.

Миг тишины. В огнях застыла зала.
Не дрогнет жезл в приподнятой руке.
Еще сейчас душа была в тоске.
Вот в ней мгновенно притупилось жало.

И с пальцев рук течение побежало.
И дух плывет в ликующей реке.

Голос Светозвука явственно ощутим. Музыка, вечно строящая себя в мире во временных предельностях Рассвета, Утра, Полдня, Заката, Вечера, и Ночи, четко слышна и зрима поэтическому мироощущению, которое по существу своему есть провидческое и яснозрящее.

С утра до полдня в духе я певучем,
Со всем земным я все же не земной.
Я восхожу с растущей волной,
До полдня, к Солнцу, к тем горнилам жгучим.

Найдем, сверкнем, полюбим, и замучим,
Занежим семицветной пеленой.
К черте рассвета! К музыке! За мной!
Взнесем дары, и приобщим их к тучам!

Но вдруг в душе означится излом.
Пронзит предел восторженность сгоранья.
Двенадцать. Солнце кончило игранье.
Хоть вы придите, молния и гром!

До завтра мгла и оцупь собиранья.
Но завтра утро вновь качнет крылом!

Та мировая Музыка, которая, в недвижимом своем лике и в безгласной певучести, являет себя в соразмерностях горных цепей, в идеальных линиях Казбека, Монблана, и Фуджи-Ямы, в красках алмаза, рубина, аметиста, в кристаллах и снежинках, в человеческом зодчестве, в исполинском храме Боро-Будур, облеченном рамою вулканов Явы, в Эллинском изваянии воздушных складок, ток которых журчит в душе, - эта мировая Певучесть, в подвижном своем лике, создает Autos Sacramentales рассветов и закатов, где цветовые симфонии и пляски красок не только сосуществуют, но и сопричинны с пением птиц и вскриками людей.

Мне припоминается одна поразительная ночь. Это было весной, во Франции, в Париже. Охваченный внутренней смутой, я не вернулся домой вечером, и всю ночь оставался в Булонском лесу. Первая птица утром и последняя вечером, дрозд просвирелил виолончельно-густую свою вечернюю песню, звуки растаяли в холодеющем воздухе медвяно и печально, и, когда наступила ночь, она была безгласна, только ключ тихо журчал, стекая в озеро. Целую ночь я смотрел на звезды и слушал тишину. Не было звуков, кроме отдельных шелестов, таких же неясственно вздрагивающих, как эти дрожания отдаленных недостижимых звезд, и кроме журчанья ключа, который не нарушал тишины и только роднился с

неумолимо журчавшей в моей душе непрерывавшейся тоской. К исходу ночи весь мрак вокруг образовал какой-то хрустальный свод, некое кристаллическое капище. И вдруг одна звезда сорвалась. В ту же самую секунду в воздухе прозвенел один птичий вскрик, это проснулся дрозд. И ночь мгновенно превратилась в утро, а воздух наполнился переключкой голосов. Этот миг преломления ночи в светозвучной секунде я выразил в одном из стихотворений “Хоровода Времен”, но в нем зачерпнул лишь струю из какого-то огромного озера, чье имя – тайна.

С первым птичьим криком
Ночь сломалась, Зеркало хрустальное разбилось,
Травы зашептались, чуть шурша.
В озере все Небо отражалось,
Полночь в безглагольном отразилась,
Тихая, в безгласном задержалась,
Капли звезд из звездного ковша.

Но рука незримая качнулась,
Звездное качнула коромысло,
Капля с Неба свеялась к Земле.
И одна былинка шевельнулась,
Изменив серебряные числа,
Вся серебристость в числах пошатнулась,
Птицу разбудив в росистой мгле.
Вскликнула, и с легким этим свистом
Целый замок рушился молчанья,

И раздался всюду тонкий звон.
Птичий хор напевом голосистым
Двинул звуковые колебанья,
Шевельнул затоном серебристым,
И румянец бросил в небосклон.

В роще все было так, как я рассказал. Это не красивая сказка, лишь измышленная и пропетая. Это одна из тех вечных красивых сказок, которые осуществляются в природе каждый день, каждую ночь, каждый час, каждую секунду, каждое деление секунды, ускользящее от нашей способности делить. Но не каждую секунду и минуту у нас есть путь приближения к сказке действительности. Творчески мыслящий и чувствующий художник, беря это слово всеобъемно, в миге чутком в сказку входит как в свой чертог, и знает, что звуки светят, а краски поют, и запахи влюбляют, а слова разбивают горы и прорезают материки.

Солнечная птица, петух, поет, зная время, то есть передвижение светил, и его пение дает звуковую зеркальность неуловимым для нашего глаза тонким переменам в движении пространственных световых волн. Кто слушал много, в деревне или в маленьком глухом городке, пение петухов, правильно указующее полночь, рассвет, и утро, тот знает, что каждый раз они поют по-разному. Полночный мрак, полночный сумрак входит в звук петушьего голоса, делая его умягченным и уравнированным в силе. Тот же орган, та же играется песня, но регистровый рычаг, называемый тьмой, выключил нечто из звукового действия, передвинул голос органа, и песня, повторяя те же ноты, звучит заглушенно, и говорит внимательной душе не о преломлении ночи рассветом, и не о свежей радости утра, а о глухой торжественности ночного часа, который черным бархатом покрывала дремотная полночь.

Кто был в Бретани, тот знает, что над полями, раскинутыми вдоль серого Бретонского моря, неумолкаемо поют весной многие десятки, сотни жаворонков. Они поют поодиночке, и поют, сливаясь в хоры, как и у нас. Но там их больше, в Примеле, в Дамгане, в Кервойяле, чем, например, в моей родной Владимирской губернии, и пение их близ широких волн Океана проникновенней. Кто слушал жаворонка, тот знает, что утренняя его песня не такая, как вечерняя. Солнце правит его песней, солнечный свет входит в звук, рождаемый этим малым птичьим горлом, и утреннее Солнце таит в себе силу любовной встречи, а вечернее Солнце входит в голоса нежно-грустным голосом, поющим “Прощай” и “До свиданья”. Всего удивительнее то, что, когда на полях, протянувшихся между Дамганом и Кервойялем, густеют вечерние сумерки и вот уж все жаворонки сидят по гнездам на земле и молча дремлют, ты думаешь, что не услышишь их голоса до завтрашнего утра. Но вот Солнце, которое заходило, которое погрузилось за черту горизонта, светит алым краем, и краешком, и полоской, и чертой алости над чертой кругоёма, и вот стерлось. Тогда, в эту самую секунду, срывается с земли жаворонок, и другой, и третий, и стая их, и все они – поют, взносясь, прощальную песню Солнцу. Это – таинство Светозвука, и тут Солнце неотделимо от серой птички, зовущейся жаворонком.

Природа поет жаворонком, когда светит Солнце. Золотой свет Солнца навсегда отпечатлелся на перышках канарейки, которая даже в комнате, даже в клетке, да еще в чужой зиме, хранит настолько секундно-точное соответствие своей нежной шейки с небесным запястьем Солнечного Диска, что чуть луч Солнца скользнет чрез зимние узоры окна и коснется горла птички, в этой самой секунде осуществляется рассыпчатая песня птички, ознакомленной с тайнами райских островов, последних оплотов океанических торжеств погибшей Атлантиды. Природа посылает лунное

серебро в горло соловья, и, покорный этому дару, трубадур Ночи слагает с начала мира лунно-любовные песни, он научил всех поэтов Земного Шара лунным балладам и влюбленности, всем музыкантам подарил лунные серенады и сонаты влюбленности. И когда соловей, опьяненный весной, изменяет Ночи и поет в свете Солнца, он, имеющий таинственное соотношение не с Солнцем, а с Луной, поет пьяно-прерывисто, не осуществляет надлежаще всех возможностей своего сладкопевного малого горла. В лунную же ночь он поет с такой стройностью, что Джэлаальэддин Руми, и Хаканий, и Гафиз от него переняли дар построить жемчужные ожерелья из слов и власть рассыпать розовые лепестки напевности пред ликами сладчайшими черноокой Персии.

Огонь поет, ибо Огонь живет, а жизнь творит, а творчество есть песня.

Я не знаю, к чему в точности привели достопримечательные опыты, делавшиеся в конце XIX века в Европе над физически-музыкальным инструментом, который называется Пирофон, Огнеголос, Пламезвук. В книге “Поющие Пламени”, “Les Flammes Chantantes”, Фредерик Кастнер описывает это орудие Светозвука как прибор, имеющий тринадцать ветвей, мечущих многообразные пламени. “Скромная химическая гармоника”, говорит он, “lumen philosophicum”, светоч философический, как говорили когда-то, достигла в Огнеголосе свойств настоящего музыкального инструмента. К этому прибору нужно было применять иногда различные способы действия: например, звук пламени нужно вызывать – издавши родственный звук, в гармоническом соотношении с той нотой, которую должен создать Огнеголос. Если в стеклянную трубочку, или в другого вещества трубку, ввести два пламени или несколько пламеней надлежащей величины, и поместить их на трети длины трубочки, считая от основания, пламени вибрируют в унисон, звуча, трепещут согласно. Явление это продолжает осуществляться, пока пламени пребывают разъединенными, но звук прекращается тотчас, чуть пламени соприкоснутся. Двухлетние опыты создали музыкальный инструмент с тембром совершенно новым, приближающимся к человеческому голосу. Этот инструмент состоит из трех клавиатур, сочетающихся как в органе. Каждая из клавишей, с помощью механизма чрезвычайно простого, сообщается с проводниками, приводящими пламени в стеклянные трубочки. Когда нажимают на эти клавиши, пламени разъединяются, и звук создается тотчас. Как только клавиши освобождают от касанья, пламени сближаются и звук прекращается немедленно. Звуки, издаваемые Огнеголосом, одновременно нежны, могучи, притягательны, и полны четкой выразительности. В них много закругленности и полноты. В них как бы чувствуется человеческое страстное дыхание. В них кроме того, в общем, чувствуется печальность, которая повидимому составляет свойство всех природных гармоний. Если

Огнеголос скрыт от глаз, можно подумать, что это женский голос, поющий с аккомпаниментом. Он создает созвучья, подобные аккордам эоловой арфы, и может также достигать диапазона органа самого величественного”.

В связи со всем сказанным, любопытно отметить наблюдение физика Шреттера. Он наблюдал, что пламя водорода, его химической гармоникой, окрашивалось двояко: Внутри был лик голубого пламени, зримого в темноте, вовне это было желтое пламя. Впрочем, это вообще свойство пламеней Огня. Сердце Огня голубое, а лик его красный и желтый. Таково рождение Огня космогоническое. Таково его явление и в частичных ликах ежедневности. Таким образом совершенно глубинный смысл получает чисто внешнее наблюдение Шреттера, что все, что препятствует сгоранию голубого пламени, мешает всякому звучному проявлению Огня.

Любопытно также наблюдение Тиндаля: “Когда смотришь во вращающееся зеркало на безгласное пламя, способное быть возбужденным, как сказано, видна только непрерывная световая полоса. Нет ничего красивее, как увидеть мгновенное преобразование этой сплошной ленты в ожерелье жемчужин очень светлых, в то самое мгновение, когда голос запекает слышимый звук”.

Любопытно, наконец, вспомнить, что доктор Хиггинс заметил звук вибрирующего пламени еще в 1777-м году. Еще – или только? Поэты мира замечали его всегда. Огонь есть свечение и Огонь есть звучание. Говоря одновременно всякому зрению и утонченному слуху, Огонь есть одна из лучезарных ипостасей Мирового Светозвука. Но в природе все четко и все зеркально. Как свет отражается в зеркальностях души звуком, так звук зеркально рождает в душе свет и цвета. Но, чтобы это было, в душе должно быть магическое зеркало творческого прозрения и первородного мироощущения. Мы не подозреваем, по краю каких пропастей мы ходим каждую секунду, и по каким проходим пышным сокровищницам, не видя их. Мы совсем не подозреваем, как мы мало видим, слышим, и чувствуем. Мы не видим даже существ, которые именуем инфузориями, и считаем как бы несуществующими в силу их малости, - между тем, увиденные, они являются нам огромными, и кто хоть раз подсмотрел, какие у этих существ сознательные, какие человеческие движения, тот не забудет этого никогда. Мы не слышим прорастания трав. Деревенский колдун и краснокожий Индеец слышат этот звук. Изысканный провидец, Эдгар По, слышал не только это, но и передвижение света, которое люди только видят.

Эльф среди людей, Скрябин, обладал цветным слухом, как до него им обладал могучий Берлиоз, пламенный Лист, и зиждительно-свежий Римский-Корсаков. Цветовой слух выражается в том, что звуки или певучие

суммы звуков, гармонии, тональности, сочетаются с ощущением цветосвета. Это способность личная, обособленная. При различии музыкального гения, у Римского-Корсакова и Скрябина получается таблица различествующая, то совпадающая до тождества, то расходящаяся до противоположности, которая дополнительной своей полярностью тоже указывает на такое тождество. Желтый цветозвук Римского-Корсакова совпадает с желтым Скрябина. Синий Римского-Корсакова возникает у Скрябина как голубой, а серовато-зеленый как синий. Это – тождество, родство, и сходство. Зеленый цветозвук Римского-Корсакова возникает у Скрябина как красный. Это восстановленное тождество. Присутствие отдельной редкой способности у двух самых выдающихся русских музыкантов является как бы первовестью новой человеческой впечатлительности, которая в будущем сумеет создать нерукотворный храм Светозвука. Но для выполнения сложной задачи действенного воплощения световой симфонии Скрябина нет в современности надлежащих условий. То, что сделал в этом смысле наш Большой театр исполнением скрябинского “Прометея”, есть не вознесение гениального имени Скрябина, а недостойное искажение пышного замысла. Уже одно то, что колдовское число семь в световой игре было подменено неполномочным три, указывает не на досаждение, а на убогость посягновения. Скрябин повелел наполнить светом пространство, которое пронизано игрою его колдующих звуков. Он в замысле ввел в чарование всю богатую емкость простора, а тут в отгороженном помещении, вместо цветовой семиструнной кифары, пытается быть пленительной трехструнная балалайка. Явно, что здесь светоносный бог Аполлон заменен приземистым африканским божком Бесом.

Верна ли самая мысль Скрябина о сочетании его Огненной Мистерии Прометея с игрою Светоцвета? И да, и нет. Нет, в том смысле, что музыка, будучи Божески самодостаточным царством, не нуждается ни в каких сопутствующих достижениях иной красоты, и, говоря в каждой душе иным голосом, этой душе сродным, будет не обогащать, а ограничивать свое красноречие, сопутствуемое определенной дополняющей красотой. Чтобы сопутствующая красота была не просто дополнительная, а глубинная, абсолютно сродная, как это мы видим в таинствах Природы, надо, чтобы угадание художника было столь же неукоснительно верным и единственным, как верны угадания творящей Природы. Но в то же время Скрябин совершенно прав в своем замысле, ибо он, презиравший будничное и часто восклицавший: “Жизнь должна быть праздником”, смотрел на свою световую симфонию как на священное празднество. А в отдельном празднике своеволие и введение угадливой творческой прихоти – самодержавный закон зиждительной воли. Сочетать игру звуков с игрою светов всегда – не должно, сочетать ее с игрою светов на священном

празднике – необходимо.

Но верно ли даже и первое утверждение? Быть может, нет. Разве, когда внезапно протянется полоса солнечного света в комнате, мы не подходим безотчетно к рояли и не начинаем играть? Разве, когда мы играем на музыкальном инструменте, нам не радостно оттого, что около нас поставили расцветающие цветы? Разве простой свет концертного зала не поднимает нашу радостную возбужденность? Разве пастушеская свирель, созывая стада, не кажется нам особенно прекрасной потому, что вместе с ее звуками разливается по небу румяная радость зари, а на каждом луговом стебле – дрожит росистый яхонт?

Сочетание света именно с музыкой Скрябина неизбежно, ибо вся его музыка световая. В музыкальном творчестве Скрябина жив Восток. Поэтому его музыка нравится людям Востока, которые в общем совсем нечувствительны к Европейской музыке, или же ощущают ее враждебно. Скрябин, не переставши быть Европейцем и Русским, был Индусом, как о нем кто-то сказал. Он угадал Восток, воздух которого всегда исполнен симфониями света.

После того, как целый год я был в Океании, на Яве, на Цейлоне, и в Индии, я вернулся в Париж. После тропической природы и Восточной музыки, я нестерпимо жаждал столь любимого мной с детства фортепиано. В один из первых вечеров я пошел слушать одного знаменитого пианиста. Но вместо наслаждения я испытал мучение. Моя музыкальная впечатлительность изменилась. Кругом слушатели наслаждались, а я видел скучного человека, в скучном черном фраке, и слышал, как из большого черного ящика он извлекает какими-то деревянными молоточками неполные звуки разных инструментов, сопровождающиеся несомненным отзвуком дерева. После первого отделения я ушел. Вскоре после этого я приехал в Москву и здесь увидел Скрябина. Эта встреча навсегда сохранится в моей душе, как видение ослепительной музыкальности. Это было видение поющих, падающих лун. Музыкальных звездностей. Арабесок, гиероглифов, и камней, изваянных из звука. Движение Огня. Прорывы Солнца. Клич души к душе. Откровенье, дошедшее с другой планеты. Певучая озаренность самого воздуха, в котором двигался этот пленительный ребенок богов. Это было то же фортепиано. Но на этот раз оно оправдывало свое наименование. Это была сильная нежность. Могучая нежность.

В своей книге о душе Аристотель говорит: - “Тело есть сгущенный Огонь, потухший, душа – Огонь первородный, в образе своем чистый”. Один магический папирус древнего Египта говорит: - “Когда Солнце плачет

вторично и роняет влагу из своих глаз, эта влага превращается в пчел, которые работают”. Первобытные жители Марианских островов, когда впервые увидели Огонь с приходом Магеллана, говорили, что Огонь это волшебный зверь, который прилипает к дереву, поедая его. Райдер Хаггарт, в повести “Голова Колдуньи”, говорит: - “Как раздавленный цветок пахнет нежно, так все, что наиболее красиво и устремительно в человеческой природе, призывается к жизни, когда Бог положит на нас свою тяжелую руку”. Это все, и многое другое, толпится в моем уме, когда я думаю, что есть музыка Скрябина, и как он ее играл сам. Но его рука была противоположность тяжести. Она порхала как летние стрекозы, у которых крылышко есть солнечное зеркальце, и как пляшут в вулканическом огне саламандры, которые, по слову Парацельса, не имеют части с людьми и не говорят совсем, а поют огненные песни. И суть духи, но не призраки, - когда же являются, то обладают плотью и кровью, но только легки и быстры и духи.

Я вспоминаю еще, что избранный Египтянами, как вестник Солнечного Диска, сокол летает очень быстро и прямо, но когда он проворно перелетит так большое пространство, вдруг он остановится в воздухе и долго парит, и когда, медля в солнечном воздухе, он быстро реет крыльями, вокруг него возникает круговая быстрая пряжа солнечных лучей, как ореол вокруг лица избранных.

И я вспоминаю еще, что Русский народ, загадывая загадку об Огне, говорит о нем так: “В камне спал, по железу встал, по дереву пошел, как сокол полетел”.